

Нелегко вспахать каменистую землю деревянной сохой «карасапаном», которая является единственным орудием крестьянина-бедняка.

Фото автора

ПРАВЫ те, кто утверждает, что самым лучшим временем года в Анатолии является весна. В мае, когда перестают лить дожди, прекращаются снегопады, а палящее солнце еще не успевает сжечь растительность, она выглядит довольно нарядной. Красные маки на обочинах дорог бодро колышутся на ветру, как бы радуясь весне. Тающие снега на вершинах гор вдоволь насыщают мелкие речушки, которые весело шумят в ущельях, неся живительную влагу в долины. Почти в каждом чешме, как называют здесь специально оборудованные источники, есть вода. Люди и животные пьют ее с жадностью, словно предчувствуя время, когда она на долгие месяцы исчезнет.

ВСТРЕЧИ С КРЕСТЬЯНАМИ

С весной связывает свои надежды крестьянин. Он спешит вспахать свой участок, посеять зерно в еще влажную землю, чтобы вырастить хороший урожай. Мысли о благоприятной погоде занимали и Хасана, которого мы встретили в поле недалеко от города Кайсери. Рассказывая о своей нелегкой жизни, он то и дело обращался к аллаху, чтобы тот послал дождя и не оставил бедняка без хлеба.

— Прошлый год, — говорит крестьянин, — был для нас очень тяжелым. Засуха погубила наш урожай, и мы всю зиму голодали.

Он окидывает взглядом свой клочок земли и, вытирая рукавом пот с почерневшего лица, продолжает:

— Трудно достается мне хлеб. Нет справедливости на этом свете. Некоторые имеют сотни дёнумов земли, тракторы, а у меня... — Он обводит рукой свое поле, показывает на пару быков и деревянную соху (карасапан), оставленную в борозде. — Разве может прокормить этот участок мою большую семью. Одних только детей семеро. Хлеба хватает на несколько месяцев. А потом... скитания по городам и поиски средств на жизнь.

Отдохнув несколько минут, Хасан снова принимается за работу. Тяжелыми шагами плетется он за истощенными быками, которые еле тащут карасапан по каменистой пашне. Временами животные останавливаются, и крестьянин погоняет их длинной палкой.

Его изнуренный вид, разорванная в клочья одежда и обувь из овечьей шкуры красноречиво свидетельствуют о безрадостной крестьянской доле.

Подобных встреч в Анатолии у нас было немало.

Трудно перечислить все тяготы, испытываемые турецким крестьянином-бедняком. Крупные землевладельцы, составляющие ничтожный процент населения страны, захватили более двух третей обрабатываемых площадей. 750 тысяч семейств не имеют земли вообще. Беднейшее крестьянство использует под посевы даже крутые склоны гор, очищая их от камней и разрыхляя почву лопатами.

Кулаки и помещики безудержно эксплуатируют бедняков, заставляя их работать на своих полях за мизерную плату. Как-то мы побывали в одном из горных районов северо-востока. На участке сахарной свеклы под палящим солнцем ползали на коле-

нях между рядами молодых растений подростки и женщины. Они вырывали руками траву. Только один человек важно расхаживал по полю и покрывал на них. Это был староста деревни — кулак. Оказалось, что он имеет еще несколько таких участков, на которых по найму работают крестьяне деревни. Оплата труда настолько мала, что в нашем разговоре он постеснялся назвать ее.

НЕЛЕГКАЯ ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Жалкой и забитой выглядит женщина-крестьянка в Турции. Ей запрещено все, кроме... изнурительного труда. Не пытайтесь разговаривать с ней. Она не станет отвечать на ваши вопросы. Жесткие обычаи и нравы не позволяют ей говорить с посторонним мужчиной. Увидя незнакомца, крестьянка плотно закроется чаршафом — покрывалом для лица, отвернется в сторону и в ответ на обращение к ней в лучшем случае укажет рукой на мужчину — спрашивай, мол, у него. В свое время Кемаль Ататюрк издавал специальные законы, запрещающие женщине носить чаршаф. Борьба с пережитками феодализма, однако, закончилась сразу же после его смерти. Более того, реакционные силы стараются сохранить религиозные традиции, держа в страхе и повиновении женщину. Крестьянка полностью отстранена от политической и культурной жизни.

Особенно тяжела судьба женщины-матери. Она больше мужа работает в поле, до поздней ночи занимается домашними делами. Во время работы мать присматривает и за детьми, которые находятся тут же на меже. Даже грудные младенцы находятся с матерью в поле. Обычно завернутые в тряпье, они подвязаны к столбам веревками. На эти убогие люльки, раскачиваемые ветром и прожигаемые солнцем, нельзя смотреть без острой жалости.

Стоит поближе присмотреться к турецкому селу, и станет ясна нищенская доля крестьянства. Обмазанные глиной домишки, пристройки для скота, круглые дыры в стенах вместо окон, грязь и злобное — так выглядят многие деревни Анатолии. В районе Кайсери встречаются поселения, жители которых ютятся в выдолбленных прямо в скалах норах. Можно проехать тысячи километров и не увидеть ни одного села, где бы было электричество и радио. Да и газеты здесь можно встретить лишь случайно.

Невыносимая жизнь деревни толкает массы крестьян на поиски работы в городах. И тысячи людей отправляются в Стамбул, Анкару и другие промышленные центры, где их ждут новые беды — безработица, отсутствие жилья, болезни. Лишь незначительной части крестьян выпадает «счастье» устроиться на предприятие. В городе Сивасе мы познакомились с таким «счастливчиком». Разговорились. Работает бывший крестьянин на кирпичном заводе.

— Живем скверно, — говорит он тихо, будто стесняясь своих мыслей. — Большинство наших рабочих получает шесть-семь лир в день. Что на них сделаешь?

В справедливости этих слов можно убедиться без труда. В городах и селах мне десятки раз приходилось видеть людей, которые умоляли прохожих подать им денег на хлеб. Подаяния просят матери с грудными младенцами на руках, дети, познавшие нужду со дня рождения, старики, прожившие всю жизнь в нищете.

Сивас — место, далеко не подходящее для иностранных туристов. Его пыльные улицы и единственную площадь, на которой расположился военный штаб, никак не назовешь достопримечательными местами. Но повсюду слышится английская речь. Городская гостиница битком забита американцами. И они приехали сюда не в качестве туристов, а как «деловые люди». В этом районе под руководством янки сооружается крупный аэродром НАТО.

Янки разгуливают и по турецкой столице. По вечерам на главной магистрали Анкары, бульваре Ататюрка, раздаются кваканье американского джаза, на верандах лучших особняков играют в карты полураздетые американцы. Поезжайте в Эскишехир, Кайсери, Измир, Адану — картина все та же. Янки чувствуют себя хозяевами. «Почему так много американцев?» — поинтересовались мы в городе Амасья. Наш турецкий собеседник недоуменно пожал плечами и сказал: «Они что-то делают в горах. Но у нас их не так много. Недавно я приехал из Самсуна, вот там американских военных полно».

Военщина НАТО вот уже много лет ведет широкие военные приготовления на турецкой земле. Строительство ракетных баз и аэродромов, усовершенствование шоссейных дорог и морских портов, расширение радиорелейной, телефонной и радиолокационной сети — таков неполный перечень «бизнеса», которым она занята в Турции. Под базы нужна площадь. И турецкие власти, не задумываясь, находят ее. Крестьян сгоняют с земли и отдают ее в распоряжение военщины. И тогда она уже становится запретной зоной.

Территория Турции постепенно превращается в сплошной запретный район. Недавно закрыто для посещения советскими людьми все побережье Черного моря. Когда мы обратились к властям с просьбой разрешить нам побывать в Синопе, полицейский чиновник заявил, что для нас это невозможно. Он изворачивался, как уж, пытаясь оправдать этот запрет, но тщетно. Да и стоило ли утруждать себя. Ведь всем известно, что черноморские берега Турции оборудованы под американские военные базы.

Турция держит огромную армию. Казармы, военные склады и боевая техника встречаются чуть ли не в каждом поселке. Страна превращена в склады атомного оружия. Чтобы как-то оправдать свои агрессивные планы, заправили Атлантического блока пытаются изобразить Советский Союз «агрессивной державой» и тем самым восстановить общественное мнение страны против СССР. Им подпевает турецкая реакция.

Но иначе думают обо всем этом простые люди Турции. Каждый честный турок хорошо знает, что Советский Союз никогда никому не угрожал и не собирается этого делать. Каждая турецкая семья на себе ощущает те пагубные результаты, к которым привело их страну участие в агрессивных военных союзах западных держав.

«Предоставив западному блоку базы и 500-тысячную армию, — пишет газета «Ватан», — Турция расшатала свою экономику. Ее положение очень плохое. 70 процентов населения страны влачит голодное существование. 80 процентов народа не умеет читать и писать. При таком положении ничем нельзя оправдать тот факт, что 2,5 миллиарда лир ежегодно расходуется на военные цели».

Это и подобные ему заявления турецкой печати (а их можно было бы привести великое мно-

жество) еще раз подтверждают справедливость недавних высказываний Н. С. Хрущева о незavidном состоянии экономики Турции и о причинах, его породивших.

С «ТАЙНЫМ» ЭСКОРТОМ

Мы приехали в Кайсери под вечер. Не успели подойти к конторке служителя гостиницы, чтобы заказать номер, как на его столе зазвонил телефон.

— Нет, господин, я не видел автомашины с дипломатическим номером,— скороговоркой выпалил тот, не поняв в чем дело.— Если позволите, я выйду на улицу и посмотрю.

Нетрудно было понять, что турецкие сыщики наводили справки о нас. Через минуту парень вернулся на свое место и зашептал в телефонную трубку:

— Господин, эта машина стоит у отеля.

Затем, оформляя нам номер, служитель медленно листает свою толстую тетрадь и время от времени бросает исподлобья взгляд на пришельцев, которыми так интересуется полиция.

Поставив в комнате чемоданы, мы вышли в вестибюль. На одном из кресел уже сидела хмурая личность с газетой в руках. Пошли в столовую, личность последовала туда же. За соседним столиком она принялась заново просматривать газетные страницы.

После того как мы вышли на улицу, эстафета слежки была передана другому: в городском сквере уже поджидала смена...

«Тайный» эскорт не отставал даже в историческом городе древних греков Гёреме. Зайдя в одну из пещер, где размещается старинная церковь, сохранившая великие творения искусства, мы сразу обнаружили своих опекунов, которые рассматривали изображения святых на другой стене пещеры. Эти субъекты в черных костюмах были настолько назойливы, что невольно привлекли внимание многочисленных американцев и местной публики, с подозрением озирающих нас. Группу мальчишек, которая с интересом наблюдала за нашими киносъемками, словно ветром сдуло после предупреждения полицейских... Наша машина тронулась с места. Господа в черных костюмах бросились к своему «виллису» и, преследуя нас, добрых 30 километров глотали дорожную пыль, поднимаемую нашей машиной. Потом эскорт не выдержал и остановился. Было видно, как сыщики отряхивали пыль с пиджаков. В следующем пункте все началось сызнова.

В этом, конечно, нет ничего нового. И не стоило бы много писать об этом, если бы не намерения определенных кругов в Турции с помощью подобных неблагоприятных приемов изобразить советских журналистов в глазах простых людей какими-то подозрительными чудищами. Ведь бывает же так — разговаривая с тем или иным турком, вдруг замечаешь, как он сначала насторожится, а потом и вовсе убежит. Оглядываешься — и где-нибудь рядом хмурая личность, напугавшая собеседника.

Мы проехали по дорогам Турции более полутора тысяч километров. В памяти остались воспоминания о горькой участи трудового народа да неприятные мысли о полицейской слежке.

ТОЛЬКО ФАКТЫ

К моменту провозглашения независимости в Танганьике не оказалось ни одной публичной библиотеки. В английской колонии Кении живет 6450 тысяч человек, но тоже нет библиотек. В Северной Родезии публичные библиотеки есть, но... «только для белых».

* * *

Правительство Федерации Нигерии после провозглашения независимости взялось за создание библиотек. Наследство же, полученное от английских колонизаторов, «носителей европейской культуры», было жалким. На 36 миллионов нигерийцев приходилось лишь около 350 тысяч книг.

* * *

Британский протекторат в Африке Свазиленд побил своеобразный «рекорд»: 95 процентов его жителей не умеют ни читать, ни писать. Это самая высокая из позорных итоговых цифр колониального владычества в Африке, где в среднем 90 процентов коренного населения было лишено возможности обучиться хотя бы грамоте.

* * *

В Северной Родезии смертность среди детей европейских поселенцев одна из самых низких в мире: 16,9 на тысячу новорожденных. Зато каждый пятый африканский младенец умирает, не дожив до одного года. По данным Организации Объединенных Наций, так же высок процент детской смертности и в Уганде.

* * *

По официальным данным и сообщениям буржуазной печати Австралии, Новая Гвинея и Папуа являются по сравнению со всеми другими районами Австралии самыми отсталыми в экономическом отношении. Подавляющее большинство коренных жителей Новой Гвинеи и Папуа неграмотно. По сообщению газеты «Дейли телеграф», до сих пор ни один из папуасов не получил высшего образования, и только несколько человек имеют среднее образование. Как сообщает член парламента лейборист Джонс, из более чем 500 тысяч детей Новой Гвинеи в школу ходят лишь 130 тысяч детей. Новая Гвинея и Папуа стали самым дешевым источником рабочей силы для австралийских монополий. Рабочие-туземцы в год зарабатывают не более 75—80 фунтов, то есть приблизительно в 10 раз меньше среднего заработка австралийского рабочего.